

МИШЕЛЬ СМАРТ

Ключик к сердцу принца

HARLEQUIN®

kiss™

Мишель Сمارт
Ключик к сердцу принца
Серия «Поцелуй –
Harlequin», книга 135
Серия «Принцы Каллиакис», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22637091
Смарт Мишель Ключик к сердцу принца: роман: Центрполиграф;
Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07221-4

Аннотация

Эми Грин, сотрудницу музея истории королевства Эгон, и наследного принца Гелиоса Каллиакиса связывает не только любовь к древностям, но и пылкая страсть. Им хорошо в объятиях друг друга, но Эми решает разорвать эту связь, когда узнает, что ее возлюбленному предстоит вступить в брак с принцессой соседнего королевства. Одобренная сенатом невеста красива, добра и умна, но все мысли Гелиоса лишь об Эми, однако, чтобы быть вместе, ему придется отказаться от трона...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мишель Смарт

Ключик к сердцу принца

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Helios Crowns His Mistress

Copyright © 2016 by Michelle Smart

«Ключик к сердцу принца»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2017

Глава 1

– Тебе действительно так уж нужно ее сбривать?

Эми Грин, откровенно восхищенная мужественной красотой Гелиоса, умоляюще смотрела на него.

Гелиос встретился с ней глазами в зеркале ванной и подмигнул:

– Она снова отрастет!

Эми надулась. Осторожно. Чтобы не треснула наложенная на лицо маска из косметической глины, которая уже успела высохнуть.

– Хочешь сказать, без нее я не выгляжу сексуальным?

– Ты всегда сексуален, – фыркнула она.

Слишком сексуален. Себе же на беду. Пусть и без бороды. Даже голос сексуальный. Глубокий, низкий голос с эгонским акцентом, неотразимо действующий на окружающих.

Невероятно высокий и стройный, невероятно сильный, с темно-оливковой кожей и черными волосами, сейчас взъерошенными после украденного часа в постели с ней, он походил на пирата. Зловещий вид усугублялся слегка искривленным носом и едва заметным шрамом на переносице – памяткой о подростковой драке с братом Тезеем. Абсолютно не тщеславный, Гелиос носил шрам с гордостью. Более сексуального мужчины Эми в жизни не видела.

Скоро его волосы будет укрощены и гладко причесаны,

хотя присущая ему мужественность никуда не исчезнет. Мускулистое тело скроется под черным смокингом, но сила и жизненная энергия проникнут даже сквозь дорожную ткань. Игривое выражение влажных темно-карих глаз по-прежнему будет исполнено греховности.

Он станет принцем Гелиосом Каллиакисом, наследником трона Эгона. Тем не менее по-прежнему останется мужчиной из плоти и крови.

Он поднял острейшую опасную бритву:

– Уверена, что не хочешь сама меня побрить?

Эми отрицательно качнула головой:

– Представляешь, а вдруг я тебя порежу? Меня арестуют по обвинению в государственной измене.

Он ухмыльнулся и наскоро вытер зеркало, которое уже успело помутнеть от пара.

Хмыкнув, она вытянула правую ногу, коснулась пальцами крана с горячей водой и подлила немного уже в остывшую воду.

– Я уверен, ты намеренно напустила пара в ванную, чтобы я не мог ясно видеть. Это тоже измена! – Он игриво качнул головой, включая вытяжку. Та, как и все в его великолепных дворцовых покоях, немедленно заработала, очищая огромную ванную от пара. Он присел на корточки рядом с ванной и приблизил к ее лицу свое, ослепительно красивое. – Еще хотя бы малейшие признаки измены, дорогая, и я буду вынужден наказать тебя.

Его дыхание, жаркое, с ароматом кофе, который они недавно пили, будоражило чувства.

– И какое же именно наказание ты определишь для меня?

Желание, которое она считала растраченным, снова за-
бурлило. Дыхание стало учащенным.

Эти влажные глаза сверкали, улыбка играла на изогнутых, как лук, губах, которые целовали ее повсюду. Такие губы любая женщина согласилась бы с радостью целовать вечно.

– Наказание, которое ты никогда не забудешь.

Он картинно щелкнул зубами и зарычал, прежде чем бросить на нее многообещающий взгляд и вернуться к зеркалу. Одним глазом наблюдая за ее отражением, он окунул кисточку для бритья в миску и стал покрывать черную бороду густой пеной.

Смотреть, как он бреется, словно герой фильма из эпохи Средневековья, было зрелищем завораживающим. Эми не могла не признать этого. Бритва была достаточно острой, чтобы порезаться. Одно неверное движение, и...

Но так или иначе она, как замороженная, наблюдала, пока он водил острой, как кинжал, бритвой по щекам. Зрелище, по-своему эротичное, перенесло ее в то далекое время, когда мужчины были мужчинами.

А уж Гелиос и подавно, мужчина до мозга костей.

Стоило лишь захотеть, и армия придворных слетелась бы сюда, чтобы побрить его. Но это не в его стиле. Члены семьи Каллиакис были прямыми потомками Ареса Патакиса,

воина, свыше восьмисот лет назад поднявшего восстание и освободившего Эгон от венецианских захватчиков. Принцев Эгона учили владеть оружием с тем же прилежанием, с каким обучали искусству королевского этикета. Острейшая бритва для любовника Эми – один из многих видов оружия, которыми он овладел.

Она подождала, пока он вытрет лезвие о полотенце, прежде чем снова заговорить.

– Насколько я поняла, несмотря на все намеки, ты не исполнишь моего желания.

Намеки приняли форму непрерывных упоминаний о том, как сильно она хотела бы посетить Королевский бал – предмет разговоров всего острова. На самом деле она не ожидала приглашения всерьез, поскольку числилась всего-навсего служащей королевского музея, причем на временной основе.

Кроме того, им уж точно никогда не суждено быть вместе навсегда.

При этой мысли она ощутила укол сожаления. Их отношения никогда не были тайной, хотя их никто не афишировал. Она его любовница, а не постоянная девушка. Это отличие Эми почувствовала с самого начала. У нее нет официального места в его жизни. И никогда не будет.

Он снова принялся бриться, обнажая очередной участок гладкой оливковой кожи.

– Однако, как бы я ни обожал твое общество, посещение

бала вряд ли может считаться приличным.

Она состроила гримаску, отчего вокруг губ треснула глина.

– Знаю. Я простолюдинка, а твой бал посетят сливки высшего общества.

– Ничто не порадовало бы меня больше, чем видеть на балу тебя, одетую в самое дорогое платье от-кутюр, которое можно купить. Но моей любовнице не пристало посещать бал, где я должен выбрать будущую жену.

Восхитительно теплая вода мгновенно стала ледяной.

Эми села.

– Твою будущую жену? О чем ты?

Их взгляды снова встретились в зеркале.

– Это неофициальный повод. На балу мне предстоит выбрать жену, – пояснил он.

Она помедлила, прежде чем спросить:

– Как в «Золушке»?

– Совершенно верно.

Он выбрил подбородок и снова вытер бритву.

– Ты все это знаешь.

– Нет, – пробормотала она. По спине пробежал озноб, отчего похолодела кровь. – А у меня создалось впечатление, будто это предпраздничный бал.

Весь мир застыл в ожидании репортажей из Эгона, поскольку на острове через три недели ожидается празднование пятидесятилетия правления короля Астреуса. Ожидает-

ся прибытие глав государств и важных сановников со всего мира.

– Так и есть. Это называется «убить одним выстрелом двух зайцев».

– Почему ты не можешь найти жену, как все нормальные люди?

Кстати, о нормальном. Как могут функционировать ее голосовые связки, если все тело охвачено странным параличом?

– Потому что, дорогая, я – наследник престола. И мне надлежит жениться на особе королевской крови. Ты это знаешь.

Да, она знала это. Только не предполагала, что это произойдет прямо сейчас. Ей это и в голову не приходило. Ни разу. Тем более они делили постель каждую ночь.

– Нужно сделать мудрый выбор, – продолжал он тоном, которым мог бы обсуждать заказ обеда с королевской кухни. – У меня даже есть список наиболее предпочтительных кандидатур. Принцессы и герцогини, которых я знаю в течение нескольких лет. Тех, кто когда-либо сумел привлечь мое внимание.

– Список, – повторила она. – Наверное, первым пунктом идет какая-то особенная женщина. Или за звание твоей супруги борется сразу несколько кандидаток?

– Предпочтительнее всех принцесса Монт Клер Каталина. Я много лет знаю ее и ее родных. Они посещали наши рождественские балы едва ли не с рождения Каталины. Когда я

на той неделе был в Дании, мы раза два обедали с ней. У нее все задатки превосходной королевы.

Эми представила черноволосую принцессу, легендарную красавицу, о которой постоянно писала пресса. Волна тошноты прокатилась в животе.

– Ты об этом не упоминал.

– Не о чем было упоминать.

Судя по лицу, он ничуть не устыдился.

– Ты с ней спал?

Он укоризненно покачал головой:

– Что это за вопрос?

– Вполне естественный для женщины, задающей его любовнику.

До этого момента она и не задумывалась о его возможной измене. Гелиос никогда не клялся ей в верности. Правда, этого не требовалось. С самой первой ночи вместе их охватила всепоглощающая страсть.

– Принцесса – девственница и останется таковой до брачной ночи, независимо от того, выйдет она замуж за меня или за другого мужчину. Я ответил на твой вопрос?

Ни в малейшей степени. Только вызвал к жизни лавину дальнейших вопросов, которые она не имела права задавать и на которые вовсе не желала слышать ответ.

Хотя нет. Один-единственный вопрос она таки озвучила:

– Когда ты планируешь жениться на счастливнице?

Если он и расслышал иронию в ее голосе, то ничем не вы-

дал себя.

– Это свадьба государственного масштаба. Но я надеюсь жениться через пару месяцев.

Пару месяцев? Он надеется выбрать невесту и жениться через пару месяцев? Вряд ли такое возможно.

Но это Гелиос. Человек, делающий все быстро. Когда хочет чего-то добиться. И добивался прямо сейчас. Не завтра.

Эми подумала о короле Астреусе, дедушке Гелиоса. Она никогда не встречалась с ним, но казалось, будто знакома с ним по работе в музее. Король умирал. Гелиосу необходимо было жениться и произвести на свет наследника, чтобы обеспечить преемственность.

Все это ей известно. Но она ночь за ночью делила постель с ним и позволила себе помечтать, что он отложит свадьбу, пока не закончится срок ее службы.

Вцепившись в края ванны, Эми осторожно встала и вышла из воды. Дрожащими руками сняла с вешалки теплое пушистое полотенце и прижала к груди, не желая тратить ни секунды даже на то, чтобы завернуться в него.

Гелиос принялся брить верхнюю губу.

– Я позвоню, когда завершится бал.

Она шагнула к двери, не обращая внимания на то, что вода ручьями льется на дорогие плитки пола.

– Нет. Не позвонишь.

– Куда ты? Ты же мокрая.

Краем глаза она заметила, как он вытер полотенцем лицо

и направился за ней, даже не позаботившись прикрыться.

Эми собрала одежду в охапку и прижала к себе. В голове как-то странно жужжало, отчего было трудно мыслить связно.

Три месяца. Все это время она делила с ним постель. Да что там, они спали порознь всего с дюжину ночей, когда Гелиос находился в официальных поездках. Как, например, в Дании, где, оказывается, обедал с принцессой Каталиной. А теперь устраивает бал, чтобы найти женщину, с которой будет делить постель до конца жизни.

Она с самого начала понимала, что у них нет будущего, и старалась держать на замке сердце и эмоции. Но слышать, как небрежно он говорит о том, что так ее ранит, было тяжело.

Она стояла у двери, ведущей в потайной ход, который соединял их покои. Во дворце десятки таких ходов. Крепость, построенная на интригах и секретах.

– Я иду к себе. Желаю на славу повеселиться на балу.

– Я что-то упустил?

То обстоятельство, что он выглядит искренне озадаченным, только ухудшало ситуацию.

– Ты говоришь, мне неприлично приходить сегодня на бал. Но я скажу тебе, что на самом деле неприлично. Неприлично сообщать о жене, которую ты вот-вот выберешь, женщине, три месяца делившей с тобой постель.

– Не понимаю, в чем проблема, – удивился он, пожав пле-

чами. — Моя женитьба ничего не изменит между нами.

— Если веришь в это, значит, ты так же глуп, как и бесчувствен. Кроме того, ты закоренелый женоненавистник. Говоришь о женщинах, которых выбираешь, так, словно они конфеты, выставленные в витрине на твое обозрение, а не люди из плоти и крови.

Она брезгливо поморщилась, наблюдая, как с лица Гелиоса исчезает недоумение, превращаясь в нечто уродливое.

Он вообще плохо воспринимал критику. На этом острове и в этом дворце перед ним преклонялись. Его почитали. Прислушивались к каждому слову. Он добродушный и обаятельный. Его чувство юмора заразительно. Но не дай бог перейти ему дорогу! Он мгновенно преображался.

Не будь она так взбешена, возможно, испугалась бы.

Он шагнул к ней, великолепный в своей наготе. Остановился в четырех шагах, сложил руки на мускулистой груди. Челюсти сжаты, на виске пульсирует жилка.

— Осторожнее! Я, конечно, твой любовник, но ты не имеешь права оскорблять меня!

— Почему? Потому что ты принц?

Она еще крепче прижала к груди полотенце и одежду, словно могла этим утихомирить беспорядочно бившееся сердце, не дать выскочить из груди.

— Ты вот-вот должен дать обет верности другой женщине. А я не желаю в этом участвовать.

Бенедикт, черный лабрадор Гелиоса, почувствовал нелад-

ное и подошел к ней, высунув язык. Сел и неодобрительно уставился на хозяина.

Гелиос тоже это заметил. Погладил собаку. Недовольство с морды пса исчезло так же быстро, как появилось. Снисходительно улыбаясь, Гелиос взглянул на Эми.

– Не стоит драматизировать ситуацию. Понимаю, ПМС делает тебя более эмоциональной, чем обычно. Но ты ведешь себя безрассудно.

– ПМС? Ты посмел сказать такое? Кажется, ты действительно живешь на другой планете. Упаси господь, чтобы я проявляла излишние эмоции только потому, что мой любовник втайне встречается с другими женщинами и собирается жениться на одной из них, при этом ожидая, что я по-прежнему буду согревать его постель. Но не волнуйся. Погладь меня по голове и скажи, что во всем виноват ПМС. Погладь себя по спинке и скажи, что ты не совершил ничего дурного.

Слишком разъяренная, чтобы снова взглянуть на него, она повернула ручку и толкнула дверь бедром.

– Ты уходишь от меня?

Неужели в его голосе звучит смех? Он находит это забавным!

Проигнорировав его, Эми высоко подняла голову и направилась по узкому коридору к себе в спальню.

Огромная рука сжала ее плечо, вынудив обернуться. Рядом с ним она казалась себе такой маленькой!

Невзирая на сжавшееся сердце и подступившую к горлу

тошноту, Эми спокойно сказала:

– Убери руки. Между нами все кончено.

– Ошибаешься!

Его рука скользнула по ее плечу. Сжала шею. Жаркое дыхание обдало ухо, когда он наклонился.

– Пока ты дуешься, я буду думать о тебе и представлять, какими способами возьму сегодня вечером, когда бал завершится. А ты придешь ко мне, и мы осуществим все мои планы.

Несмотря на молитвы всем богам, которых она только могла вспомнить, тело отреагировало на его слова и близость. Как всегда. Рядом с Гелиосом Эми вела себя как изголодавшийся ребенок, которому наконец подали еду. Она жаждала его. Желала с того момента, как увидела, и это со временем только разгоралось.

Теперь пришло время подавлять желание.

Упершись в его твердую грудь, сдерживая порыв пробежаться пальцами по тонким черным волоскам, покрывавшим кожу, Эми оттолкнула Гелиоса и заставила себя встретить его игривый взгляд.

– Желаю хорошо провести время. Постарайся не пролить вино на платье какой-нибудь принцессы.

Его издевательский смех сопровождал ее всю дорогу до покоев.

Лишь оказавшись на месте и увидев себя в зеркале, она вспомнила, что так и не смыла маску, которая теперь вся рас-

трескалась.

Гелиос вел по залу свою партнершу по танцам, принцессу из старой греческой королевской семьи, очень красивую молодую женщину. Танцуя с ней и слушая болтовню, он мысленно вычеркнул ее из списка.

Гелиос хотел бы иметь жену, с которой можно беседовать о чем-то другом, кроме последних мод.

Когда вальс закончился, он элегантно поклонился и, извинившись, подошел к столику, за которым сидел его брат Тезей. При этом он старательно игнорировал умоляющие женские взгляды, безмолвно заклинаящие его пригласить на танец.

На ум вдруг пришли слова Эми насчет того, что он обращается с женщинами как с конфетами на витрине. Гелиос по-мужски признавал это. Есть здесь доля правды, что уж скрывать. Но если необходимо выбирать женщину, с которой можно провести остаток своих дней, которая родит детей, лучше уж, если она будет идеально соответствовать его вкусам.

Если бы Эми могла видеть собравшихся дам, их просящие взгляды, как они, проходя мимо, выпячивают грудь в надежде привлечь его внимание, поняла бы, что они хотят, чтобы их попробовали. Хотят соответствовать его вкусу.

Тезей не сводил глаз с младшего брата Талоса, танцевавшего с ослепительно красивой скрипачкой, которой предсто-

яло играть на юбилейном празднестве через три недели.

— Тут что-то происходит, — заметил Тезей, потягивая шампанское. — Взгляни на него. Глупец влюбился по уши.

Гелиос проследил за направлением его взгляда и сразу понял, что имеет в виду брат. Для Талоса и его партнерши в этом зале никого, кроме них, не существовало. Они смотрели только друг на друга, между ними так и проскакивали крохотные молнии.

Странно завораживающее зрелище.

Гелиос уже не впервые пожалел, что здесь нет Эми. Она так хотела вальсировать в огромном зале. Несмотря на академическое образование, у нее живое чувство юмора, делающее ее общество более чем заманчивым.

Тезей вновь обернулся к Гелиосу:

— Как насчет тебя? Разве ты не должен сейчас танцевать?

— Нужна же мне передышка.

— Мог бы дышать вместе с принцессой Каталиной.

Гелиос с братьями много раз обсуждали собственных потенциальных невест. Сошлись на том, что идеальной королевой станет Каталина.

Всего поколение назад родители сами находили невест для наследников Эгона. Родители Гелиоса поженились так. Но именно крах этого брака заставил деда, короля Аструса, отказаться от протокола и позволить следующему поколению самому выбирать жен при условии, что в их жилах течет королевская кровь.

За это Гелиос был благодарен ему. И полон решимости позаботиться о том, чтобы у невесты не осталось иллюзий относительно того, что их брак заключен исключительно из чувства долга.

— Ты так думаешь? — Его едва не передергивало при мысли об очередном вальсе с очередной дамой. Стоит оглянуться — и любая красавица к твоим услугам. Зато умные женщины попадают куда реже.

Он взглянул на часы. Еще пара часов — и все будет кончено. Он позвонит Эми, она придет к нему.

Эта женщина действительно чего-то стоит.

Он нахмурился, вспомнив их разговор сегодня утром. Раньше он никогда не видел ее такой сердитой. В этом гневе проявилось собственническое чувство. Эми ревновала.

Обычно это первый признак того, что пора порвать с женщиной. Но в случае с Эми Гелиос находил ревность весьма привлекательной, странно радовавшей его.

Он давно подозревал, что многие стороны ее натуры скрыты для него. Она по доброй воле отдала ему свое тело и наслаждалась их ласками так же сильно, как и он. Но ее душа и мысли оставались для него загадкой.

Она с самого начала отличалась от его обычных любовниц. Прекрасная, обладающая острым умом, Эми сумела привлечь его внимание, как ни одна женщина до нее. Ее гнев не вызывал отвращения, как в случае, если бы он исходил от кого-то другого. Она интриговала его, демонстрируя еще од-

ну грань блестящей страстной женщины, которой он никак не мог насытиться. С ней он жил только ради этого мгновения, ради взаимного голода.

Тяжесть болезни деда висела на плечах свинцовым грузом. Но с Эми он забывал обо всем. Даже о нелегких обязанностях наследника трона. С ней он был просто мужчиной. Любовником. Ее любовником. Она постоянно пела в его крови. Он не собирался отказываться от нее, даже когда женится.

– Кто-то еще привлек твое внимание? – спросил Тезей.

– Нет.

Гелиос всегда знал, что придется жениться. Это даже не обсуждалось. У него не было к этому никакого особенного отношения. Женитьба – орудие, посредством которого на свет появятся наследники семьи Каллиакис. Повезло ему, что можно выбирать невесту, хотя и с некоторыми ограничениями. Его родители были не столь удачливы. Об их браке договорились еще тогда, когда мать только вышла из пеленок. Это стало настоящим несчастьем. Он надеялся только на то, что его брак ничем не будет походить на родительский.

Гелиос обратил внимание на принцессу Ката ли ну, танцующую с британским принцем. Она действительно невероятно красива. Утонченная. Воспитание и кровь видны сразу. Брат Каталины – школьный друг Гелиоса. Их совместные обеды в Дании позволили ему рассмотреть в ней умную, прекрасную женщину, хотя и слишком серьезную, на его вкус.

Немного.

В ней не было ничего от непочтительности Эми.

Каталина станет прекрасной королевой, а он и без того потратил уйму времени зря, стоило выбрать жену еще много месяцев назад, когда узнал о серьезности состояния деда.

Каталина воспитывалась в соответствии со строгими правилами двора. Так же как и он. У нее нет ни иллюзий, ни ожиданий любви. Если он выберет ее, их брак будет строго по обязанности. Не более, не менее. Никаких эмоций ни с той ни с другой стороны. Именно так, как он хочет.

Создание семьи тоже не проблема. Он уверен, что при некоторых стараниях с обеих сторон между ними образуется крепкая связь. Да и химия тоже сыграет свою роль. Не такая, как с Эми. Подобное повторить невозможно.

В мозгу вновь мелькнуло воспоминание об Эми, шагавшей босиком в полутемном коридоре, прижимавшей одежду и полотенце. Об ее русых волосах, влажных и липнувших к золотистой спине, о покачивавшихся голых бедрах. В этот момент она выглядела вышемернее любой принцессы, и он не мог дождаться, когда накажет ее за дерзость. Доведет ее до края оргазма столько раз, что она будет умолять о разрядке.

Но сейчас не время и не место представлять обнаженную Эми в своих объятиях.

Титаническим усилием воли он загасил огонь, бушующий в чреслах, и сосредоточил внимание на женщинах в зале. Следующие несколько часов не следует думать об Эми. Луч-

ше сосредоточиться на деле.

Прежде чем заставить себя снова пригласить кого-то на танец, он подозвал лакея, взял бокал шампанского и сделал большой глоток.

Тезей проницательно смотрел на брата.

– Что это с тобой?

– Ничего.

– У тебя лицо человека, обнаружившего на дегустации, что все бутылки с вином накрепко закупорены.

Гелиос изобразил улыбку.

– Так лучше?

– Теперь ты выглядишь как серийный убийца.

– Твоя поддержка, как всегда, бесценна.

Осушив бокал, Гелиос поднялся.

– Учитывая тот факт, что я не единственный принц, от которого ожидают женитьбы и наследников, предлагаю тебе потащить задницу на танцпол. И обрати внимание на красивых дам.

Тезей скорчил гримасу, при виде которой Гелиос ухмыльнулся. В то время как он смирился с судьбой, с той решимостью, которую воспитали в нем учителя английского пансиона, его мятежный брат воспринимал необходимость женитьбы с энтузиазмом зебры, которой предстоит войти в львиное логово.

Позже, когда он танцевал с принцессой Каталиной, держа ее на приличном расстоянии, так чтобы их тела не соприка-

сались, не имея ни малейшего желания притянуть ее ближе, его мысли вновь обратились к деду.

Король на балу не присутствовал, поскольку берег и без того истощенные силы для появления на празднике. Именно ради этого великого человека, растившего братьев Каллиакис с того момента, как Гелиосу исполнилось десять лет, он готовился предпринять последний шаг и жениться.

Для деда он сделает все на свете.

Скоро корона перейдет к нему, раньше, чем он хотел или ожидал. Рядом должна быть королева. Гелиос желал деду уйти в другую жизнь с миром, зная, что род Каллиакисов не прервется. Если время будет к нему добрым, дед сможет дожить до той минуты, когда увидит Гелиоса перед алтарем.

Глава 2

– Где она, черт возьми?!

Он уже четверть часа, как появился в своих покоях, а Эми не отвечала на звонки. Если верить главе охраны, покинула дворец. Согласно ее личному коду доступа, она ушла без четверти восемь. Примерно в то время, когда он с братьями приветствовал гостей.

Позвонив ей еще раз, Гелиос прошел к бару и налил себе большую порцию джина. Звонок был переадресован на голосовую почту. Он вылил джин в горло и по какому-то порыву принес бутылку в кабинет.

На мониторах охраны появились изображения с камер, которыми увешаны потайные ходы. Только Гелиос имел доступ к ним.

Он пристально всмотрелся в экран третьей камеры напротив укрепленной двери, которая вела в потайной ход. Непонятно, что там на полу?

Подойдя ближе и открыв дверь, он устави́лся на шкатулку. Внутри оказались флакончики духов, украшения, книги и безделушки. Все, что он дарил Эми, пока они были любовниками. Ненужные больше, сложенные в шкатулку, оставленные на пороге.

Ярость, такая внезапная и мощная, взорвалась в нем, едва не поглотив.

Не успев сообразить, что делает, он с силой ударил по шкатулке ногой. Стекло разбилось и захрустело под каблуком. Звуки эхом отдавались от стен.

Целую вечность он ничего не предпринимал, лишь глубоко дышал. Дрожа от бешенства. Борясь с неукротимым желанием растереть в порошок то, что осталось. Насилие было решением всех жизненных проблем для отца. Гелиос знал, что нечто подобное таится и в нем. Но, в отличие от родителей, он всегда умел контролировать себя.

Внезапная ярость, одолевшая его с такой силой, была абсолютно непонятна.

Отчетливо сознавая, что сейчас уже поздно, Эми захлопнула дверь своих покоев и поспешила в дворцовый музей. Набрала код доступа, подождала, когда включится зеленый свет, распахнула дверь и вошла в помещения, недоступные для посетителей.

С тоской глядя на маленькую кухоньку для служащих, она скрестила пальцы в надежде, что не вся выпечка съедена и не выпит кофе. Бугаца, греческий пирог с кремом, который каждое утро пекли из теста фило и приносили дворцовые повара, стал ее самым любимым на свете блюдом.

Рот наполнился слюной при одной мысли о нежных сытных пирогах. Последние два дня она почти ничего не ела и теперь, когда наконец удалось выспаться, просто умирала от голода.

Эми даже не услышала звонка будильника, почти бегом поднялась еще на этаж и ворвалась в общую комнату.

– Простите за опоздание, – пробормотала она, задыхаясь и прижимая руку к груди. – Проспа...

Она осеклась при виде Гелиоса, сидевшего за большим круглым столом.

Свежевыбритый, одетый в темно-зеленый свитер с длинными рукавами, он поставил локти на стол и потирал друг о друга кончики пальцев, излучая недюжинную силу, в этот момент направленную на нее.

– Очень мило с вашей стороны присоединиться к нам, госпожа Грин, – сказал он бесстрастно, хотя темно-карие глаза напоминали пули, готовые вонзиться в нее. – Садитесь.

Потрясенная его появлением, она быстро заморгала и вынудила себя глубоко вздохнуть. Гелиос – директор дворцового музея, хотя и появлялся крайне редко. За четыре месяца, что она здесь работала, он ни разу не посетил еженедельные вторичные совещания служащих.

Прокрадываясь во дворец прошлой ночью, она знала, что рано или поздно придется с ним встретиться. Но надеялась на передышку в несколько дней. Зачем ему понадобилось приходить сюда именно сегодня? В единственный день, когда она проспала и выглядела кошмарно.

К несчастью, единственный свободный стул стоял напротив него. Ножки противно скрипнули по деревянному полу, когда она отодвинула стул и села, сжав руки на коленях, что-

бы не было видно, как они дрожат. Грета, еще один куратор и лучшая подруга Эми, сидя рядом, ободряюще положила ладонь ей на руку и слегка сжала. Грета знала все.

В центре стола стоял поднос с бугацами, о которых так мечтала Эми. Оставалось еще три пирога, но у нее пропал аппетит, а сердце колотилось так часто, что волны достигали желудка и вызывали тошноту.

Грета налила ей чашку кофе. Эми благодарно вцепилась в нее.

– Мы обсуждали артефакты, которые должны быть представлены на выставке моего деда, – сообщил Гелиос, глядя на нее в упор.

Дворцовый музей Эгона был знаменит на весь мир, привлекая кураторов всех стран, так что здесь царил смешение языков. Для простоты было решено, что английский – официальный язык во время работы.

Эми откашлялась, пытаясь выудить из глубины мозга хотя бы одну связную мысль.

– Мраморные статуи из Италии уже в пути, должны прибыть в порт завтра утром.

– Мы готовы их принять?

– Бруно пошлет сообщение, когда судно войдет в воды Эгона, – сообщила она, ссылаясь на итальянского куратора, сопровождавшего статуи на родную землю. – Как только я получу сообщение, мы немедленно выезжаем. Водители предупреждены. Все готово.

– А как насчет артефактов из греческого музея?

– Они прибудут в пятницу.

Гелиос знал все это. Выставка – его любимый проект, над которым они работали вместе.

Она приехала в Эгон в ноябре, став частью команды из Британского музея, привозившей артефакты для выставки в дворцовом музее. И почти сразу подружилась с Педро, главой музея. Тогда она не знала, что его впечатлили ее познания истории и искусства Эгона, и вдвойне впечатлила ее докторская диссертация о влиянии минойской цивилизации на культуру острова. Именно Педро и предложил ей должность куратора юбилейной выставки.

Предложение казалось осуществленной мечтой и огромной честью для женщины, обладающей весьма небольшим опытом. Эми восполняла недостаток опыта энтузиазмом.

В возрасте десяти лет она узнала, что счастливая, идеальная семья, которую воспринимала как должное, на деле вовсе не была таковой. Да и она тоже не была той, какой себя считала. Отец действительно оказался ее биологическим отцом, и братья были единокровными. Мать не была ее биологической матерью. Женщина, родившая ее, оказалась родом с Эгона, острова в Средиземном море.

Половина генов Эми принадлежала Эгону.

После этого ошеломляющего открытия ее интересовало в Эгоне все. Она пожирала книги по минойской цивилизации, ее эволюции до демократии. Наслаждалась историями войн,

страсти и свирепости народа. Изучала карты и фотографии, всматриваясь пристально в высокие зеленые горы, песчаные пляжи и прозрачное голубое море. География острова стала столь же знакомой, как и топография родного города.

Эгон стал одержимостью.

В его историю была вплетена и ее история, таился ключ к пониманию того, кто она на самом деле. Эми даже не надеялась получить возможность прожить здесь девять месяцев. Судьба словно подталкивала найти родную мать. Где-то на острове с населением в полмиллиона жила женщина, родившая ее.

Семнадцать лет Эми думала о ней. Гадала, как та выглядит? Похожа ли она на мать? Как звучит ее голос? Сожалеет ли она о случившемся? Стыдится ли того, что сделала? Наверняка это так. Как может кто-то пережить то, что сделала Нейза Соукис, и не испытывать стыда?

Найти ее оказалось легко. Но как подойти и что сказать? Это всегда было самым большим вопросом. Не может же Эми просто так появиться у нее. Скорее всего, мать просто захлопнет дверь перед носом, и Эми не получит ответы. Она подумывала написать Нейзе, но никак не могла сообразить, что сказать. «Привет, вы меня помните? Вы носили меня девять месяцев, а потом бросили. Не можете сказать, почему?»

Греческая социальная сеть, куда Грета помогла ей попасть, была щедра на откровения. Нейза в ней не появлялась, зато Эми нашла единокровного брата, даже наладила обще-

ние с ним в надежде, что он, в свою очередь, поможет наладить связь с матерью.

– Вы договорились о транспорте на пятницу? – Гелиос жестко смотрел на нее. Чувственные губы были плотно сжаты.

– Да. Все готово. – Она едва не теряла сознания при мысли о том, что эти губы больше никогда не прижмутся к ее губам. – Мы опережаем график.

– Уверены, что к началу праздника выставка откроется? – спросил он якобы небрежно, хотя в голосе звучали жесткие скептические нотки, чего раньше никогда не случалось в общении с ней.

– Да, – ответила она, сцепив зубы, чтобы не выказать обиды и гнева.

Он наказывает ее. Ей следовало ответить хотя бы на один звонок. Она струсила и сбежала из дворца в надежде, что несколько дней разлуки дадут ей силу сопротивляться ему. Лучший способ, единственный способ задуть желание к нему – прервать все отношения.

Поэтому надо сопротивляться. Она не может быть его любовницей при живой жене. Просто не может.

Но Эми не представляла, что встреча с ним может ранить физически.

Это ранило. Ужасно.

До того, как принять ее на работу, Гелиос сам с ней побеседовал. Юбилейная выставка была крайне важна для него,

и он старался отдать обязанности куратора человеку, любившему остров.

К счастью для нее, он согласился с Педро в том, что Эми идеальный кандидат. Несколько месяцев спустя, когда они, уставшие, лежали в объятиях друг друга, он признался, что его убедили ее страсть и энтузиазм. Он знал, что она будет предана работе и посвятит ей все усилия.

Встреча с Гелиосом. Она представляла его совсем другим. Напыщенным, официозным, титулованным принцем. А ее потянуло к нему с первого взгляда. Химическая реакция, над которой она не властна. Это застало ее врасплох. Он принц, опасный и могущественный. Никогда, даже в самых безумных мечтах, она не воображала, что он ответит ей взаимностью. Однако он ответил.

Гелиос занимался выставкой гораздо больше, чем она предполагала. Они часто работали наедине. Желание пылало лесным пожаром, и она не знала, как его потушить.

Служебные романы – нередкое явление даже в строгом мире антиквариата. Но ее они не соблазняли. Эми очень любила свою деятельность. Работа давала цель. Опору. А исследования древних артефактов ее народа – это возможность увидеть собственными глазами методики их создания, одно из доказательств того, что прошлое необязательно становится будущим. Поступки родной матери не должны определять жизнь, пусть даже Эми ощущает мерзость ее поведения, как невидимое пятно.

Серьезные отношения для нее всегда были невозможны. Как можно привязаться к кому-либо, не зная, каков человек на самом деле? Поэтому ощущать влечение к человеку, который не только босс, но и наследный принц, немыслимо.

Хотя и неудивительно, что она не смогла справиться с эмоциями.

Зато у Гелиоса не было подобных внутренних ограничений.

Задолго до того, как дотронулся, он постоянно раздевал ее темными влажными глазами. Все продолжалось до того дня, когда она разговаривала с ним в маленькой комнатке музея: она на одном конце, он на другом. И вдруг одним гибким движением он оказался рядом и схватил ее в объятия.

Это решило все. Она принадлежала ему. Как и он ей.

Три месяца пролетели, как во сне. Их отношения, очень страстные, стали, ко всему прочему, на удивление дружескими. Ни ожиданий, ни ограничений. Только страсть.

Она думала, что уйти будет также легко.

Взгляд, который раздевал ее тысячу раз, скользнул к Педро, давая безмолвное разрешение перейти к общим темам музея, которым нужно управлять по тем же высоким стандартам.

Явно выведенный из равновесия, Педро огласил все остальные пункты повестки дня с двойной скоростью, в заключение упомянув о необходимости заменить в четверг одного из четырех экскурсоводов. Эми с радостью согласилась

проводить экскурсии. Четверг – единственный относительно спокойный день на неделе, и она с удовольствием заменяла экскурсовода, когда была такая необходимость.

Больше всего ей нравилась атмосфера сотрудничества. Все помогали друг другу, тон задавал Гелиос. Даже сегодня, когда в нем не было ни следа обычного дружелюбия.

Только в самом конце совещания Педро объявил:

– Прежде чем мы разойдемся, могу я напомнить всем, что меню для следующей среды нужно составить к пятнице?

В качестве благодарности за упорную работу служащих музея при организации выставки Гелиос устроил для всех ужин и оплатил расходы. Для него это типично щедрый жест. Эми не могла дождаться ужина. Но теперь при мысли о присутствии на нем Гелиоса у нее в желудке все переворачивалось.

Когда совещание закончилось, атмосфера облегчения стала почти осязаемой. Сегодня никто не медлил, как обычно. Все вскочили и дружно устремились к двери.

– Эми, на два слова, пожалуйста.

Бархатистый голос Гелиоса перекрыл топот бегущих ног.

Она остановилась в нескольких дюймах от двери, нескольких дюймах от возможности сбежать. Постаравшись принять бесстрастный вид, повернулась.

– Закрой за собой дверь.

Она повиновалась. Сердце упало и куда-то покатилося. Сделав несколько шагов, она села на прежнее место напро-

тив него. Но на самом большом расстоянии.

Оно оказалось недостаточно большим.

Этот человек буквально источал тестостерон.

Буквально источал злобу.

Сердце больно ударялось о ребра. Эми сжала губы и сложила руки на груди.

И все же не могла не смотреть на него. Не могла заставить себя отвести глаза.

На загорелой шее Гелиоса блеснула серебряная цепочка. Цепочка, которая часто касалась ее губ, когда они занимались любовью.

Пока она смотрела на него, гадая, что он скажет, его глаза изучали ее так же пристально, отчего во рту пересохло, а пульс еще участился.

Он побарабанил пальцами по столу.

– Хорошо провела время у Греты?

– Да, спасибо, – сухо ответила она, прежде чем поняла, что он сказал. – Откуда ты узнал, что я была там?

– Через GPS на твоём телефоне.

– Что?! Ты шпионил за мной?

– Ты любовница наследника престола Эгона. Наши отношения ни для кого не секрет. Я не подвергаю опасности то, что принадлежит мне.

– Я не твоя. Больше не твоя, – прошипела она, молниеносно переходя от страха к бешенству. – Какое бы следящее устройство ни поставил на мой телефон, ты снимешь

его. Немедленно!

Она швырнула сумку на стол, достала телефон и бросила ему. Он поднял руку и сжал, подобно венериной мухоловке, захватившей добычу. И рассмеялся. Правда, сейчас в его смехе не было веселости.

И подвинул ей телефон.

– Никакого устройства здесь нет. Все отслеживается через твой номер.

– В таком случае отключи слежку. Убери из своей системы или что там у тебя есть.

Он задумчиво изучал ее. Его неподвижность выводила из себя.

– Почему ты ушла?

– Хотела убраться подальше от тебя.

– И не подумала, что я буду тревожиться?

– Я думала, ты будешь слишком занят выбором невесты, чтобы заметить, что меня нет.

Наконец-то на его губах заиграла улыбка.

– Так ты меня наказываешь!

– Вовсе нет! – горячо возразила она. – Я уйду от тебя, поняв, что ты по-прежнему ожидаешь, будто мы будем спать вместе после того, как весь вечер ухаживал за потенциальными невестами.

– А ты не подумала, что сможешь устоять передо мной?

Ее щеки вспыхнули. Гелиос ощутил удовлетворение от того, что его мысли верны.

Его прекрасная страстная любовница ревновала.

Стройная, женственная до мозга костей, с буйной гривой густых русских волос, Эми – самая красивая женщина из всех, кого он знал. Скульптор без колебаний слепил бы с нее Афродиту. При взгляде на нее сгущалась кровь. Даже если она, как сейчас, была в синей прямой юбке и скромном сиреновом топе.

Сегодня в ее внешности прослеживалось нечто неряшливое: темные круги под серыми глазами, пересохшие розовые губы, бледнее, чем обычно, кожа.

И во всем виноват он.

При этой мысли его обдало жаром. Каким бы образом она ни пыталась его наказать, исчезнув на несколько дней, наказанной оказалась сама.

Он никогда не расскажет ей о безумной ярости, разрывавшей его при виде оставленной у двери шкатулки.

Что напомнило ему...

Гелиос послал по столу лежавший перед ним толстый конверт.

Раздавив шкатулку, он разбил флакончики с духами, напроць испортившими книги. Но драгоценности остались нетронутыми.

Она с подозрением взглянула на конверт, прежде чем открыть. Увидев, что внутри, поджала губы, уронила конверт на стол и поднялась.

– Мне они не нужны.

– Они твои. Ты оскорбляешь меня, пытаюсь их вернуть.
Она и глазом не моргнула.

– А ты оскорбляешь меня, пытаюсь их вернуть, хотя собираешься надеть обручальное кольцо на палец другой женщины.

Гелиос шагнул к ней. Деваться было некуда. Он схватил ее в объятия так, что она прижалась головой к его груди. Он слишком силен, а она слишком хрупка, чтобы вырваться, и в любом случае он осведомлен, что ее попытки ничего не означают.

Она откинула голову. Дыхание участилось. Он наблюдал, как ее глаза потемнели, словно серый цвет стал карим. В них пылала страстная ярость, от которой загорелась кровь.

– Нет нужды ревновать, – пробормотал он, сжимая ее еще сильнее. – Женитьба не изменит моих чувств к тебе.

Ее левый глаз дернулся, чего он никогда раньше не замечал. Зубы впились в полную нижнюю губу.

– Но это изменит мои чувства к тебе.

– Лгунья. Ты не можешь отрицать, что все еще хочешь меня.

Он потерся щекой о ее щеку и прошептал:

– Всего несколько дней назад ты выкрикивала мое имя, когда билась в оргазме. На моей спине еще не зажили царапины от твоих ногтей.

Она отпрянула.

– Это было до того, как я узнала, что ты срочно ищешь

жену. Не желаю становиться твоей фавориткой.

– В этом нет никакого позора. Поколения эгонских монархов заводили любовниц после женитьбы.

Дед стал исключением из правил, но только потому, что ему повезло влюбиться в жену.

Из тридцати одного монарха, правивших Эгоном с 1203 года, лишь очень немногие нашли любовь и верность у своих жен. Отец Гелиоса, умерший прежде, чем успел занять трон, имел десятки любовниц и содержанок. И обожал сообщать любящей жене о каждой своей неверности.

– Поколения назад твои предки отрубали врагам конечности, но тебе удалось не впутаться во что-то подобное.

Он рассмеялся и провел пальцем по ее подбородку. Даже без макияжа она была прелестна.

– Мы не женимся по любви или дружбе, как другие люди. Мы женимся ради блага острова. Думай об этом как о деловом соглашении. Ты – моя возлюбленная. Ты – женщина, с которой я хочу быть.

Его несчастная мать любила его отца, когда они поженились. Именно эта любовь, в конце концов, уничтожила ее.

Задолго до автомобильной аварии, унесшей жизнь родителей.

Он никогда и никому не причинит такой боли, как отец. Ему необходимо жениться. Но он не скрывал, что хочет жену с королевской кровью в жилах, чтобы получить следующее поколение наследников Каллиакисов. Никаких эмоций.

Никаких ожиданий верности. Союз, основанный на чувстве долга, ни на чем другом.

Эми долго смотрела на него. Безмолвно. Словно пыталась что-то прояснить. Он не понимал, что именно.

Гелиос опустил голову, чтобы поцеловать полуоткрытые губы, но Эми быстро отпрянула, он едва успел к ним прикоснуться.

– Я не шучу, Гелиос. Между нами все кончено. Я никогда не стану твоей содержанкой, – прошептала она едва слышно.

– Ты так считаешь?

– Да.

– В таком случае почему продолжаешь стоять здесь? Почему твое дыхание по-прежнему овеивает мое лицо теплом?

Проведя губами по мягкой щеке, он сжал ее попку и притянул к себе, позволив почувствовать свое желание. Из горла девушки вырвался тихий стон.

– Видишь?

Он осыпал поцелуями изящное ушко.

– Ты все-таки хочешь меня. Но наказываешь.

– Нет, я...

– Ш-ш-ш. Мы оба знаем, что я мог бы взять тебя прямо сейчас, и ты с радостью меня приняла бы.

Ее глаза жарко вспыхнули, но подбородок упрямо выдвинулся вперед.

– Я намерен дать тебе ровно пять секунд свободы. Пять секунд, чтобы покинуть эту комнату. Если через пять секунд

ты все еще будешь здесь, я задеру тебе юбку и возьму тебя прямо здесь, на этом столе.

Она затрепетала. Красноречивый признак. Он уже знал, каким станет выражение ее глаз при этих словах.

И оказался прав. Темно-серая радужка потемнела еще сильнее. Зрачки еще более сузились. Кончик розового языка блеснул между полуоткрытых губ. Если коснется ее маленьких упругих грудей, он обнаружит, что соски затвердели.

Гелиос отпустил ее и сложил руки на груди.

– Один.

Она прижала ладонь к губам и провела ею по подбородку.

– Два.

Она сглотнула, не отрывая глаз от его лица. Он почти ощущал ее желание.

– Три. Четыре.

Она повернулась и ринулась к двери.

– Неделя! – крикнул он ей в спину.

Она уже почти вышла из комнаты и не подавала вида, что слушает его, но он знал, что девушка слышит каждое слово.

– Неделя, и ты, дорогая, снова вернешься в мою постель! Гарантирую!

Глава 3

Эми смотрела на мраморные статуи, прибывшие утром морем в Эгон и теперь стоявшие на постаментах в вестибюле музея. Три мраморные статуи. Три короля на вершине славы. Все три Астреусы. Четвертая, специально заказанная для выставки, будет доставлена из мастерской скульптора через неделю. Статую лепили с нынешнего монарха, четвертого короля Астреуса, только он был изображен молодым, в расцвете сил.

Гелиос лично заказал изваяние.

Эми не хотела думать о нем. Но не могла остановиться.

Он повсюду. В каждой картине, каждой скульптуре, каждом фрагменте рукописного документа, каждом керамическом изделии. Все напоминало о том, что принадлежит ему. Его народу. Его предкам. Ему самому.

Она все время посматривала на статую второго короля Астреуса, мраморного титана, относящуюся к 1403 году. Бесстыдно обнаженный, с трезубцем в руке, с надменным видом, намеком на свирепость, который так удавался Гелиосу. Даже не зная она ничего о королевской династии Эгона, сразу поняла бы, что ее любовник – потомок этого человека. Эгон не воевал десятилетиями. Но воинственные корни, насчитывающие столетия, внедрены в их ДНК.

Гелиос – воин в душе.

Ей нельзя думать о нем.

Боже. Все это должно остаться в прошлом, необременительной связью, без обещаний и компромисса.

Эми так и тянуло остаться с ним в общей комнате для соещаний. Тело изнемогало от желания. Но в глубине сознания оставался постоянный образ Гелиоса, обменивавшегося обетами с безымянной женщиной, которая станет его женой.

Эми не сможет стать той женщиной. Что бы там ни воображал Гелиос о супружеской жизни, он нуждается в наследнике. И естественно, непременно заниматься любовью с женой.

Она никогда не позволит себе стать источником боли и унижения для другой женщины. Сама видела последствия такой связи. Семнадцать лет мучилась осознанием того, что оказалась этим результатом.

Она всего-навсего грязная тайна.

Водитель Гелиоса остановил машину у личного входа в его покои. Десятки школьников всех возрастов отдыхали на газоне, что ближе всего к входу в музей. Некоторые играли в футбол, кто-то крутил сальто и стоял на руках. Чуть дальше целая компания штурмовала лабиринт, считавшийся одним из самых больших и сложных в мире.

Гелиос сверился с часами. Он всегда слишком занят, чтобы проводить столько времени с посетителями дворца, сколько хотелось бы.

У него образовалось небольшое окно перед совещанием с братьями. Они занимались вопросами инвестиций, он также уделял этому немало внимания и времени. Кроме того, стоит помнить о многочисленных королевских обязанностях, которые легли на него с болезнью деда. Он, пусть и неофициально, считался принцем-регентом, представителем острова самого высокого ранга. Его долг – привлекать инвестиции и туристов, усиливать влияние страны на мировой арене, заботиться о процветании и безопасности населения.

Когда он подошел ближе к детям, замечая, что придворные держатся на почтительном расстоянии, маленькие личики с любопытством повернулись к нему. Как это часто случалось, стоило одному узнать его, как подбежали все остальные. Это было одной из черт, которые он так любил в детях: отсутствие всяких запретов и ограничений. В мире учтивости и сковывающего этикета такое казалось весьма освежающим.

Они с Каталиной договорились иметь не менее двух детей. Они вообще соглашались по многим вопросам. По большинству вопросов. Хороший знак для будущего брака. На бумаге все в их союзе складывалось идеально.

И тем не менее.

Всякий раз, когда он пытался представить их детей, ничего не получалось. Картинка не складывалась.

Несмотря на ослепительную красоту Каталины, он оставался равнодушен к ней. Правда, это совершенно не важно,

проблема разрешится сама, если они проведут вместе больше времени. Завтра он летит в Монт-Клер, где официально попросит руки у ее отца. Это, конечно, всего лишь формальность, но без нее нельзя.

Конечно, придется обсудить вопросы приданого и торговых соглашений, составить брачный контракт. Ему всего лишь нужно беспокоиться, течет или нет в жилах невесты голубая кровь.

Гелиос всегда считал голубой таким холодным цветом.

Он снова посмотрел на английских детей и стал отвечать на вопросы, включая обычный: «А это правда, что ваш унитаз сделан из золота?»

И самым его любимым: «А правда, что вы всюду носите с собой пистолет-автомат?»

В ответ он достал из кармана перочинный нож, подаренный дедом на окончание Сэндхерста. Такой себе усложненный вариант ножика, подаренного ему на десятилетие.

– Нет, но я всегда ношу с собой это.

Как и ожидалось, дети пришли в восторг и окружили его, спеша увидеть нож. Конечно, он лишь слегка напоминал перочинный. Судя по виду, всякий мог распознать в нем смертельно опасное оружие, каковым на самом деле он и являлся. Дети любили, когда Гелиос демонстрировал нож. Они еще не растеряли своей истинной природы под влиянием безумной политкорректности, заразившей весь западный мир.

– Большинство жителей Эгона носит ножи, – пояснил Ге-

лиос замороженным детям. — Если кто-то захочет захватить наш остров, пусть знает: мы так просто не сдадимся.

Учительница, смотревшая на нож так, словно это орудие самого ада, облегченно вздохнула, взглянув на часы, и тут же хлопнула в ладоши:

— Стройтесь парами, пора на экскурсию.

Сегодня четверг. Эми проводит часть экскурсий.

Волосы на затылке поднялись дыбом. Гелиос глянул на музейный вход. На верхней площадке стояла стройная фигурка. Хотя с такого расстояния рассмотреть ее было трудно, участвовавшее сердцебиение подсказало, что это она.

Он выпрямился. На губах заиграла улыбка. Прошло всего два дня с тех пор, как она вышла из комнаты, оставив его с болью в чреслах, от которой он только оправился. Гелиос был готов поставить любую сумму на то, что Эми страдала точно так же и последние два дня вскакивала всякий раз, когда звонил ее телефон, в надежде на то, что это он.

Ее гордость была ранена, когда она узнала, что он женится, но со временем все успокоится. Не может же она наказывать его вечно, тем более что страдает не меньше него. Ничего, скоро приползет!

Немного поразмыслив, он подозвал придворного и попросил передать братьям извинения. Они могут провести совещание и без него.

Настало время помочь Эми приползти к нему.

Подземные темницы дворца Эгона неизменно производили впечатление, независимо от возраста посетителя. Устроенные глубоко под землей, куда вели крутые винтовые лестницы и где всегда стоял полумрак, они были поистине зловещими. Здесь горели крохотные электрические свечи, мигавшие как настоящие и отбрасывающие тени на стены и пол. Неудивительно, что дети жались друг к другу.

— Эти подземелья когда-то служили тюрьмами, куда бросали венецианских захватчиков, — начала Эми громко и четко, чтобы слышали все двадцать три ребенка. — Венецианцы были единственными, кому удалось захватить Эгон, и, когда Арес Завоеватель, в то время кузен короля, поднял восстание в 1205 году, первое, что приказал своим людям — выстроить эти подземные темницы. Правящий король Тимиос, которого граждане Эгона винили в том, что он впустил в страну венецианцев, был брошен в ту камеру, что по мою левую руку.

Дети по очереди смотрели сквозь железную решетку на маленькую квадратную каменную яму.

— Кандалы на правой стене настоящие. Ими он был скован, — добавила она.

— Он здесь умер? — спросил мальчик.

— Нет, — раздался низкий мужской голос, эхом донесшийся от узких стен, прежде чем она успела ответить.

Все вздрогнули от неожиданности.

Длинная тень упала на них, когда из прохода появился Ге-

лиос. В мерцающем свете его большая фигура казалась сильно увеличенной, словно Орион, знаменитый красавец-гигант, внезапно ожил.

Что он здесь делает?

Она видела его всего час назад в саду, где он разговаривал со школьниками, вел себя непринужденно, как в любой ситуации. В тот момент Эми забыла о необходимости дышать.

«Потихоньку все станет лучше, – уверяла она себя. – Слишком мало времени прошло, рана еще не зажила. Скоро тебе будет легче».

– Король Тимиос содержался в подземелье шесть месяцев, прежде чем Арес Патакис изгнал его и с согласия народа водрузил на себя корону, – объяснил Гелиос увлеченно слушавшим детям. – Над подземными темницами был возведен дворец, чтобы король Арес мог сам решать судьбы заключенных.

– Он кого-то убил? – спросил тот же кровожадный парнишка.

– Он убил много людей, – серьезно ответил Гелиос. – Но только в битве. Военнопленных освободили и отослали в Венецию. – Помолчав, он улыбнулся. – Правда, только после того, как им отрубили руки. Это своего рода послание Ареса, предупреждение другим армиям, желающим завоевать остров. «Ступите на наши берега – никогда больше не сможете держать в руках оружие». Если, конечно, им повезет выжить.

Чем дальше они углублялись в подземелья, достаточно

большие, чтобы вместить триста заключенных, тем больше вопросов задавалось Гелиосу. Дети делали все возможное, чтобы напугать друг друга в полутьме.

Какое облегчение, что он ответил на многочисленные вопросы вместо нее: его присутствие лишало Эми дара речи.

– А вы тоже убили кого-то? – с нервным смешком спросила маленькая девочка.

Гелиос медленно покачал головой:

– Нет, но с той минуты, как я научился ходить, меня тренировали владеть ножами, луком и бросать копье. Мы с братьями окончили военную академию. Поверь, если кто-то попытается захватить нас, жители Эгона готовы к войне. Мы не боимся пролить кровь, и вражью, и нашу собственную, чтобы защитить родину. Будем оборонять наш остров до последнего дыхания.

Ответом на страстную речь стало полнейшее молчание. Двадцать три пары широко раскрытых глаз смотрели на Гелиоса со смесью благоговения и ужаса. Учительница выглядела потрясенной.

Но на Эми все это произвело противоположный эффект.

От его слов кровь загорелась. Как бы он ни был красив, ее влекла к нему его страсть. Семья Каллиакис – династия, в жилах которой течет красная кровь. Не голубая. И ни одна кровь не была краснее, чем у Гелиоса. Внешне он истинный принц. Под кожей скрывается воин.

– И это, дети, доказывает, что принц Гелиос унаследовал

не только кровь Ареса Завоевателя, но и его преданность родине, – быстро встала Эми, чтобы прервать молчание и отвлечься от сердечной боли. – Итак, кто хотел бы, чтобы его усыновил принц? Нет добровольцев? Хм. Вы меня удивляете! В таком случае кто хочет посетить сувенирный магазин музея?

При мысли о возможности потратить деньги на сувениры все оживилось.

– Хорошо, что тебе не придется каждый день проводить экскурсии, – не удержалась Эми, следуя за школьниками. – Теперь им будут сниться кошмары.

Он старался не отставать от нее.

– Они изучают историю моей семьи. Я стараюсь излагать ее в контексте нынешнего времени.

– Да. Они изучают твою историю. Но есть большая разница между рассказом о войнах и кровопролитиях, случившихся столетия назад, и попыткой вплетать их в нынешнюю действительность, да еще в подземной тюрьме! Им всего по десять лет!

– Мир полон кровопролитий. Это никогда не изменится в истории человечества. Единственный способ воспрепятствовать им – дотянуться до наших берегов, внушить врагам страх и сохранять стабильность.

– Но Эгон стабилен, – возразила девушка. – У вас выборный сенат. Демократия.

– А люди по-прежнему считают нас своими вождями. На-

ше мнение имеет значение. Наши действия – значение еще большее.

– По этой причине ты и женишься на принцессе Каталине, – резко заметила она.

– Мы процветающие стабильные островитяне. И это достигнуто тяжким трудом поколений. Но пока весь мир не будет стабильным, мы уязвимы для атак в самых различных формах. Мы показываем пример своим единением. Стабильность в королевской семье рождает стабильность всего острова. Мой дед умирает. Мой брак даст ему покой и станет чем-то вроде гарантии для народа, который будет уверен, что о будущем моей семьи, а следовательно, и о будущем их семей позаботятся. Они знают: если на троне потомок Ареса Патакиса, страна не только готова защищаться, но и выдержать любую финансовую бурю, которая поразит наши острова.

В какой-то момент его речи они перестали подниматься по лестнице. Эми стояла на две ступеньки выше лицом к лицу с Гелиосом, в глазах которого плясали отблески огня. Ее пальцы зудели от желания коснуться его.

– Мне нужно догнать детей, – выдохнула она, но ослабевшие ноги не могли двигаться.

– Они знают, куда идти, – пробормотал он и, опершись рукой о влажную стену, наклонился к ней. Сжал ее бедро и притянул к себе. Восхитительный жар разлился по ее телу. Губы сами собой приоткрылись. Она потянулась к нему.

И едва успела отстраниться.

Сняв его руку с бедра, прошептала:

– Я не попрощалась с ними.

– Тогда прощайся! – весело разрешил он. – Продолжай бежать, девочка моя, но знай: нельзя бежать вечно. Скоро я тебя догоню.

Не отвечая, она помчалась по крутой лестнице, цепляясь за перила, и вылетела в холл.

По крайней мере, здесь она могла дышать.

Что сейчас случилось? Она едва не поцеловала его. Неужели у нее не осталось гордости? Инстинкта самосохранения?

Ей хотелось плакать от досады.

Верит Гелиос или нет, но между ними все кончено. Он женится на другой. Отвратительно сознавать, что она по-прежнему питает к нему такие сильные чувства.

Остается одно – уехать. Дождаться официального открытия выставки, которое состоится недели через две, оставить дворец и больше никогда не возвращаться.

День выдался тяжелым. Эми принимала произведения искусства из греческого музея, готовая падать с ног, но ее мгновенно взбодрил прибывший только что имейл.

После нескольких месяцев поисков и недель осторожной переписки Леандр согласился увидеться с ней. Завтра вечером она впервые встретится с единокровным братом.

Эми взглянула на часы. Если поторопиться, она доедет до Ресины и купит новое платье для первого ужина, прежде чем закроются магазины. Завтра времени не будет. Суббота – самый суматошный день в музее.

Поспешно выключив компьютер и сложив бумаги в аккуратную стопку, она выскочила из офиса и помчалась посмотреть, здесь ли еще Педро и сможет ли закрыть двери.

И застыла на месте.

У входа в музей стоял Гелиос, о чем-то беседующий с Педро.

Она не успела скрыться. Оба повернулись к ней.

– Помяни женщину, и она тут же появится, – высказался просиявший Педро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.